

Владимир ГУЛЯЕВ,

председатель Алтайского регионального отделения РСП

СПАСИБО ТЕБЕ, ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ!

Не каждому творческому человеку дано соединить в себе сразу несколько профессий: кинорежиссер, актер, сценарист и писатель. Видимо, сама природа вложила в Василия Макаровича Шукшина столько таланта и энергии, чтобы подтвердить название места, где он родился, Сростки. В толковых словарях есть слово, созвучное названию этого села. И обозначает оно образование, возникшее в результате срастания двух плодов, алмазных кристаллов, кварца и полевого шпата, орех-сросток и т. п. Так и в Василии Макаровиче произошло «срастание» не одного, а сразу нескольких «плодов».

Гениальность Шукшина заключается в том, что сумел он увидеть в обыденном особенное. И не придумывал он истории и сюжеты про где-то там что-то происходящее, а как истинный художник-натуралист писал на пленэре. Оттого и живет он в сердцах и памяти народной, проживает несколько жизней в героях своих рассказов и повестей, и в своих истинно народных фильмах.

Вот и притягивают к себе Сростки с её горой Пикет, на вершине которой установлен памятник гениальному сыну России – Шукшину, с грустью и любовью смотрящему на родное село, на сибирские просторы, раскинутые за селом. Не зарастает тропа к памятнику Василия Макаровича, идут к нему люди не только в день его рождения, приходят ежедневно, чтобы отдать дань уважения настоящему сибиряку, истинному русскому человеку, любившему людей и свою Малую и Большую Родину.

«Штрихи к портрету» сибиряков (Экскурс по рассказам В. М. Шукшина)

«Сельские жители» – это «Светлые души». Потому-то я и «Выбираю деревню на жительство», где даже, имея денег в кармане в сумме «Ноль-ноль целых», но чистое и доброе «Внутреннее содержание», можно надеяться на то, что «Земляки», а они ведь совсем не «Чужие» люди, всегда помогут и согреют в «Далекие зимние вечера», пригласят к себе в гости и скажут тебе так, просто-запросто: «У человека завсегда должна быть “Крыша над головой”, а иначе как же! Должна быть нормальная надежная крыша нормального дома, а не просто так, чтобы переспать абы как “Ночью в бойлерной”».

А потом приютившие тебя хозяева заведут за чашкой крепкого душистого травяного чая «Беседы при ясной луне», потому что они – люди, а не «Волки» какие-нибудь! И не «Демагоги» они, хотя и «Критики» всего происходящего – отменные. И «Думы» у них завсегда только о родной земле-кормилице, да о Родине, оттого и «Крепкий мужик» у нас на Алтае, закаленный! И «Мнение» на жизнь он имеет свое, и рассуждения тоже свои, особенные, а не просто так: «Верую!» – и все тут! А уж коли и держат они у себя дома «Змеиный яд», так это только для лечения суставов да хвори разной. И если вдруг, ни с того ни с сего, будет «Дождь на заре» – сибиряки тебя из дома никогда не отпустят, не скажут вслед: «Иди себе далее, “Залетный”!» Они оставят тебя в доме непогоду переждать. А чтобы не скучно было непогоду пережидать-то, они зачитают какое-нибудь «Письмо», что написал совсем незнакомый тебе

чей-то там «Свояк Сергей Сергеевич». А потом хозяева, с простотой душевной, расскажут давно уже всем известную историю-загадку про то, «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту», и будут смеяться и радоваться при этом, как будто эта история про них и была написана.

А если завернет к ним, допустим, какой-нибудь «Начальник» «Приезжий» – новоявленный да молодой «Генерал Малафейкин», так они вначале выслушают его внимательно, подивятся на речи его длинные да на «Ораторский прием», послушают разные байки про «Космос, нервную систему и шмат сала» да про «Мечты» вселенские, ну и спросят потом этого лектора со всей своей сибирской простотой: «А вот где она, “Правда”-то? Вот вы говорите, что живут там где-то хорошо, даже здорово живут! А ведь и нам на землице-то своей, в деревне нашей тоже “Охота жить”! Вот ответьте-ка нам, мил человек?»

Промолчит оратор, не дав ответа. И что же получится-то в конечном итоге от этой встречи-беседы, что останется-то на памяти у людей? Да ничего! Одни только разговоры у сельчан, да воспоминаний о том ораторе на половину дня от силы всего-то. И вздохнут сельчане затем с горечью и досадой: «Да, “Забуксовал” лектор! Вспотел “Рыжий”, вот и уехал восвояси – “Чудик”! А чего, да и зачем приезжал-то? И совсем непонятно!»

«Пост скриптум» ко всему вышесказанному: «Сильные идут дальше». А посему: «Шире шаг, маэстро!» и «Привет Сивому!»

Виктор РЕЙНГАРТ,

*член Регионального литературного объединения «Звено Алтая»
Восточно-Казахстанской области.*

ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА

Множество стихов и песен сложено о родительском доме – доме детства. И если он существует, то посещают его даже в старости. Мой же дом уже давно на дне Бухтарминского водохранилища. Но мне тоже очень дороги детские воспоминания о моём полудоме-полуземлянке, наполовину врытом в склон горы, доме, где я родился, доме моих предков, спецпереселенцев, коренных сталинградцев. Их репрессировали осенью 1941 года, и в результате на казахстанскую землю была депортирована вся наша большая семья: прадед Иван и прабабушка Кристина Рейнгардт, дед Эдуард Иванович с бабушкой Галиной Мироновной и их дети.

К тому времени село Бухтарма являлось спецзоной, и все работающие на лесоповале и сплаве леса по рекам Бухтарма, Хамир и Белая содержались как заключенные. Наша семья, как и другие спецпереселенцы, были под строгим надзором НКВД, и наши документы хранились в спецкомендатуре, без особого разрешения которой мы не могли покидать пределы села.

Два подслеповатых окна нашего дома на самом краю села выходили на берег реки Иртыш. На его земляной крыше буйно росла полынь. Со стороны горы я, пятилетним ребенком, мог спокойно влезть на неё. Полуземлянка имела две комнаты. В одной была кухня с небольшой русской печью. К дому была пристроена холодная кладовая. Все полы в нашей землянке были глиняные. Банька, сарай для коровы составляли наш «хозблок», хорошим подспорьем был и небольшой огород. На зиму для бани и печи в доме заготавливали кизяк. Иметь дрова нам не разрешали.